

Послесловие

Пунктиры дискуссии или «непричёсанные мысли»¹

Проведённое авторами профессиональное и глубокое исследование судебного конституционного контроля как феномена современного конституционализма в демократическом правовом государстве подводит итог современному его развитию в новой России, обращая читателя также к размышлению о перспективах. Вся фактура авторского сравнительно-правового и исторического анализа зарубежного и российского опыта в конструировании института судебного конституционного контроля приводит к выводу об универсальном его значении в разных национальных правовых порядках, независимо от их принадлежности к системам общего или статутного права. Везде этому институту *sui generis* присущи функции по правовой охране конституции, включая защиту конституционных прав, по поддержанию концепции и практики конституционализма, в том числе по конституциализации правового регулирования и судебной практики. Последнее особенно существенно в российском контексте, так как решение этой задачи на основе переходных положений Конституции РФ 1993 года не поставило точку в этом процессе, а объём обновляемого законодательного регулирования, во многом не имевшего аналогов в прошлом, требует не снижающейся активности в судебном сдерживании отклонений от конституционных канонов.

Единая сущность судебного конституционного контроля в разных правовых порядках, несмотря на различающиеся его институциональные модели, проявляет возможность взаимовлияния практик не только в странах одной правовой семьи: в деятельности высших и специальных конституционных судов в системе разделения властей сохраняется реальная инвариантность целей и гарантий судебного конституционного контроля, а также методов толкования права и аргументации судебных решений, в том числе при разной парадигме государственно-правового развития. На этой основе естественно стремление к осмыслению не только национального опыта². Рос-

¹ Лец С.Е. Непричесанные мысли / пер. с пол., послесл. М. Малькова. СПб. : Академический проект, 1999. 173 с.

² В российском Конституционном Суде после 1994 года это обеспечивалось активной деятельностью научного подразделения по изучению организации и юрисдикционной практики конституционного контроля в зарубежных странах, которым руководил более двадцати лет доктор филологических наук Евгений Георгиевич Пыриков. Благодаря его профессио-

сийский вариант судебного конституционного контроля питают и общезначимые источники правовой цивилизации — поскольку восприняты, правда, чаще на уровне текстов, сами идеи конституционализма.

Российскому Конституционному Суду, как показано в монографии, нелегко было осваивать эту классику на исходе десятилетий эпохи социализма. Исследователь первых его шагов на поприще конституционного правосудия — профессор Университета имени Гумбольдта в Берлине Александр Бланкенегель — в ту пору писал, что Суд брал на себя «задачи по толкованию обычных законов, не говоря уже о применении и толковании Конституции», ведя «борьбу гордого одиночки с всеобщим беззаконием и неконституционностью», не приводя «никаких традиций и авторитетов, чтобы опереться на них», суд «не ссылался на научные представления и открыто не обращался к зарубежной конституционной мысли и опыту»³. На фоне такого начала деятельности КС предлагаемая монография свидетельствует о значительном продвижении в развитии российского конституционного правосудия за истекшее тридцатилетие. Но правда и то, что в этом процессе есть реформаторские шаги и контрреформы.

В ходе становления в Российской Федерации конституционного правосудия при разработке его теоретических обоснований, нормативного регулирования и по мере наращивания его практик постепенно открывалась картина известных в мире образцов аналогичной деятельности. И, естественно, не могли не восприниматься необходимые её стандарты, характеризующие статус института в системе власти, пути его самоопределения, роль на фоне других судов, судебные процедуры и принципы.

Не сразу удалось освоить основную, как представляется, позицию, определяющую статус суда в качестве эффективного противовеса законодательной и исполнительной власти. Согласно первому закону о Конституционном Суде он не получил правомочия «негативного законодателя» при рассмотрении дел по жалобам граждан после их обращения за защитой в обычном судебном порядке — не мог лишить неконституционный закон юридической силы. И даже не мог влиять на изменение неконституционного «обыкновения правоприменительной практики» — именно так формулировался предмет проверки в КС по жалобам граждан: общие

нализму и энтузиазму собранный им коллектив специалистов создал за эти годы уникальную базу информации о конституционном правосудии в мире, к которой в том числе относятся более двухсот тематических выпусков аналитических материалов. Неоценимый вклад таких научных и человеческих ресурсов в развитие российского конституционного правосудия остаётся незабываемой частью его истории.

³ Бланкенегель А. «Детство, отрочество, юность» российского Конституционного Суда / пер. с англ. Е. Пырикова, Т. Морщаковой. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1996. С. 117–118

суды и после решения КС о том, что обыкновение практики основано на неконституционной норме, продолжали применять её, настаивать на своём подчинении признанному неконституционным закону до его отмены законодателем, который не спешил, оттягивая публичное признание ошибок в своих законотворческих подходах. Такая беспомощность суда при признании им обыкновения судебной практики основанной на неконституционной норме неожиданным образом в последующих её теоретических сравнениях с обычным в конституционном правосудии полномочием принимать обязательные акты, лишаящие закон юридической силы, представлялась некоторыми исследователями как более серьёзная компетенция КС по исправлению судебных решений, хотя суду не было доступно дисквалифицировать ни закон, ни практику. Обретение судом компетенции по лишению актов юридической силы согласно Конституции 1993 года поднимало значимость конституционной юстиции в стране, что получило и внешнее признание при вступлении Суда в члены Конференции Европейских конституционных судов, поскольку (дополнительно к провозглашённому независимому статусу судей) исключало и обязательность легитимации его актов через институты других ветвей власти.

Самодостаточность актов Конституционного Суда, их общеобязательность как сущностный признак институтов судебного конституционного контроля, в общем, нельзя считать обусловленными именно одной какой-то позицией из теоретической дискуссии о нормативном, прецедентном или преюдициальном их характере. Любое из этих обоснований их обязательной юридической силы может рассматриваться как достаточное для дисквалификации неконституционного предписания. Однако появившийся во втором законе о Конституционном Суде законодательный запрет преодолевать юридическую силу признания акта неконституционным путём повторного принятия подобного по содержанию закона выходит за пределы прецедентной силы судебных актов в системе даже прецедентного права, где отступление от прецедента и его пересмотр в дальнейшем возможны по инициативе другого суда, а в некоторых правопорядках и в силу закона. Изменение в дальнейшем регулировании в связи с рекомендательными инвективами российского Конституционного Суда есть область ответственности законодателя и возможный предмет дальнейшей проверки в конституционном правосудии. Установленный же в нём факт неконституционного содержания нормы, признаваемой судом недействительной, не может быть отвергнут, имеет преюдициальное значение.

Практика российского конституционного правосудия не избежала известных мировому опыту трендов, которые, правда, совсем иначе проявляются иногда в российском контексте — под влиянием теоретических и законодательных представлений о согласованном функционировании

властей. Тем самым обуславливается молчаливый консенсус в пользу неосновательных попыток ограничения функции и предмета судебного конституционного контроля, что обнаруживается в судебной практике во всех видах судопроизводства, включая и конституционное, и не может не вызывать критического отношения. Например, в западном мире признана легитимность полномочий органов судебного конституционного контроля по определению и развитию собственной компетенции — при условии, что это не противоречит его природе и предназначению. Наличие такого условия в формулировке российского закона 1994 года также закрепляло возможность развития собственных компетенций в конституционном правосудии. Но на этом фоне в истории новой России — в отсутствие изначального решения вопроса законодателем — считали упрежной позицию Конституционного Суда, признавшего свои полномочия проверять конституционность выносимого на референдум вопроса. Теоретический упрек в нелегитимности адресовался даже признанию в практике КС допустимыми жалоб общественных организаций на неконституционность ограничения конституционных прав, реализуемых в связи с их деятельностью, поскольку в качестве субъектов конституционной жалобы они прямо в законе не названы, а КС вывел это из толкования понятия объединения. В этом же ряду два десятилетия велись вокруг деятельности КС споры о том, что он присвоил себе компетенцию по толкованию простого закона и выявлению его общеобязательного конституционно-правового смысла, а также о том, что он превышает свои полномочия, прибегая к толкованию конституционных норм в процедурах конкретного нормоконтроля. Общие суды полагали это допустимым для КС лишь в случаях официального запроса уполномоченных законом субъектов об абстрактном толковании Конституции. По этим вопросам суд профессионально отстаивал границы своей конституционной компетенции. Однако сужающие её подходы обнаруживаются как во внешних оценках компетенционной тактики КС, так и в его собственных позициях, связанных с известной в мировой практике дилеммой «активизма или самоограничения» суда как способов самоопределения в сложившейся правовой и общественно-политической среде.

В истории российского конституционного правосудия к активизму почему-то причислялись упомянутые позиции суда — основанные на истолковании им норм Конституции и Федерального конституционного закона о КС — в отношении субъектов, предмета обращения и полномочий суда по толкованию закона, а также, естественно, его действия в связи с конституционным кризисом весны—осени 1993 года. В практике других конституционных судов считается надлежащим их полномочие по определению и толкованию своей компетенции, и оно не расценивается как ак-

тивизм. А позиция КС⁴ в кризисной ситуации 1993 года являла собой откровенное отступление от правового порядка: она не приемлема не только и не столько из-за включения суда в политический процесс, сколько из-за явного политически мотивированного предпочтения интересов одной стороны в разрешаемом судом конфликте. Кроме того, нельзя отнести к проявлениям судебного активизма отсутствие беспристрастности суда как арбитра при признании конституционности определённых законодателем сверхзавышенных требований к большинству голосов («от числа всех граждан, имеющих право на включение в списки избирателей») для назначения по результатам апрельского референдума 1993 года досрочных выборов парламента и президента, что закрыло конституционные пути выхода из кризиса. Не скрываема заинтересованность в защите определённых политических устремлений сквозила и в инициативе суда по проверке президентского указа № 1400 о конституционной реформе — без соблюдения каких бы то ни было процедурных требований, что исключало признание легитимности и суда, и его заключения. Активизм не предполагает возможность совершения правонарушающих или политически мотивированных действий суда. Критики пассивности нынешнего КС, независимо от правоты такого упрека, не имеют оснований апеллировать к былому его политическому «активизму» как похвальному. И то, и другое растёт из одного корня. Ослабление широты и глубины конституционного контроля, отмечаемое в актуальной практике суда как самоограничение, фактически также диктуется политическими, а не правовыми мотивами. И хотя так обеспечивается невторжение суда в прерогативы законодателя, во многом оно вовсе не обусловлено реальными перспективами других способов (законодательных или судебных) решения обнаружившейся конституционно-правовой проблемы. Тем самым просто снижаются контрольный потенциал конституционного правосудия и его значение в системе сдержек и противовесов. Такое «самоограничение» нельзя обосновать правовым образом — оно продиктовано зависимостью. «*Контрмажоритарная трудность*», которая в конкуренции легитимности представительной и судебной власти могла бы служить объяснением определённой разумной сдержанности конституционной юстиции, имеет социально-правовую основу только в плюралистически организованной конкурентной общественно-политической среде. Как и все институты судебной власти,

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 1993 года № 8-П по делу о проверке конституционности части второй пункта 2 постановления Съезда народных депутатов Российской Федерации от 29 марта 1993 года «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума».

конституционное правосудие поддерживается в его правовом статусе лишь в условиях конституционализма. Вместе с тем многие результаты деятельности конституционного правосудия объективно являются значимым вкладом в развитие не только конституционного судебного контроля, но и правосудия в целом как эффективного средства правовой защиты, что помогает формировать общественные представления о значимости его социальной поддержки.

Создание конституционных судов, реализуя функциональную специализацию в судебной системе, ориентированную на судебную охрану конституции особыми методами конституционного судопроизводства, всегда требует разграничения полномочий с судами разных отраслевых юрисдикций. Эта задача изначально рассматривалась в российском конституционном правосудии исходя из признания необходимой роли других судов в непосредственном применении Конституции, не говоря уже о неизменных усилиях КС по охране конституционного статуса судей и судебной власти во всех процедурах судопроизводства. Феномен судебной защиты предстаёт в правовых позициях КС не только как эффективное, но и как универсальное средство правовой защиты, правомочие по использованию которого не подлежит ограничению.

Самому же конституционному правосудию, учреждённому в рамках судебной реформы — на фоне провозглашения независимости судов от любых внешних воздействий, а также при ожидаемом и необходимом сотрудничестве между юрисдикциями в обеспечении непосредственного действия прав и свобод, приходилось нередко сталкиваться с игнорированием его позиций другими судами. КС при его учреждении не был наделён полномочием лишать неконституционные нормы юридической силы и отменять судебные акты, основанные на неконституционных нормах, как это имеет место в ряде других стран.

После того как в Конституции 1993 года были закреплены непосредственное её применение судами, а также компетенция КС по нуллификации в случае признания неконституционными проверяемых им федеральных законов и законов субъектов федерации, в ФКЗ о КС появилось даже требование об обязательности пересмотра основанных на неконституционных актах судебных решений в отношении обратившихся в КС заявителей. Однако спектр следования других судов этому требованию был сужен уже включением в резолютивную часть постановлений КС известной его оговорки: «...если для этого нет других препятствий». Это поддерживало прежнее отношение других судов к актам конституционного правосудия, позволяя — вместо пересмотра дел, который становился факультативным, — во многих случаях ограничиваться подтверждением правильности их решения по существу, несмотря на дисквалификацию применённой ими

в деле нормы. В этом часто находило выражение и пренебрежение к собственным правилам процедуры правосудия.

Для судов не должен был представлять трудности выбор процессуальных форм пересмотра в связи с появлением новых его оснований по результатам конституционного правосудия. В процессуальном праве, действительно, не оговаривалось, в каких процедурах надлежит пересматривать судебные акты, основанные на неконституционном законе, хотя всегда существовало и существует требование поиска применимого права, выявления действующих и не подлежащих применению норм, устранения коллизии между ними, принятия решений при наличии пробелов с использованием аналогии права или закона, в том числе процессуальной. В 1996 году в постановлении КС была определена применимость в целях исправления вступивших в законную силу актов порядка возобновления производства по уголовным делам в связи с открывшимися новыми, ранее не известными обстоятельствами. В Гражданском процессуальном кодексе и Арбитражном процессуальном кодексе всегда было достаточное основание для аналогичного подхода, так как кодексы предусматривали возобновление производства по делам со вступившими в силу судебными решениями в случаях отмены акта, на котором решения были основаны. Нуллификация применённой в конкретном деле неконституционной нормы более чем очевидно подпадала под понятие отмены акта, что далее нашло прямое закрепление в редакциях процессуальных кодексов 2010—2014 годов, хотя они по-прежнему ограничивают пересмотр ввиду неконституционности закона только делами оспоривших его в КС заявителей.

Этот сюжет даёт основание проанализировать развитие и взаимовлияние позиций судов конституционной и общей юрисдикции, в том числе с точки зрения активизма и самоограничения в подходах КС при рассмотрении дел. Закон 1994 года в самой общей форме указывал в статье 79, что признание нормы неконституционной влечёт пересмотр основанных на ней судебных актов в установленных законом случаях. При дальнейшем применении данного положения Конституционным Судом в связи с жалобами граждан, которым не удалось добиться такого пересмотра, оно было интерпретировано как относящееся не только к заявителям, дела которых подлежали пересмотру во всех случаях согласно специальной норме (статья 100), но и к другим лицам — в существующих судебных процедурах — с соблюдением предусмотренных в них материально-правовых и процессуальных предпосылок⁵. Однако это не убедило ни другие суды, ни законодателя принять такую позицию, хотя она вытекала из общеправовых конституционных принципов — о равенстве в праве на судебную

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 года № 4-О.

защиту — в рамках запрета поворота к худшему и при соблюдении по-
гашающих право на обращение в суд сроков, а также лишь строго следуя
существующим процессуальным порядкам. Очевидно, воспринятое как
активизм со стороны КС применение им общеправовых подходов при-
вело к изменению его позиции уже в сторону самоограничения: теперь
судебные акты, основанные на неконституционных нормах, могут быть
пересмотрены, только если они не были исполнены или были исполнены
частично (хотя эта формулировка в законе относится к запрету лишь их
исполнения, а не пересмотра). Отрицание конституционности закона по
своей юридической силе провозглашено самой Конституцией равным его
отмене или частичному изменению, и ретроактивное их действие ограни-
чивается в законодательных и судебных подходах по общеправовым осно-
ваниям и с помощью определённых процессуальных условий и средств.

Неактивность ординарных судов в устранении последствий примене-
ния ими норм, по существу неконституционных с момента принятия новой
Конституции, не обнадёживала в их готовности ни к исполнению реше-
ний КС, ни к осуществлению казуального нормоконтроля в процедурах
гражданского, арбитражного и уголовного судопроизводства.

Однако вопреки этой обыденной пассивности в 1998 году законода-
тельные органы двух республик в составе РФ (Карелии и Коми) обрати-
лись в КС за толкованием компетенции трёх высших судов по конститу-
ционному контролю и лишению неконституционных актов юридической
силы. По данному запросу КС в Постановлении от 16 июня 1998 года⁶
признал, что возложенный согласно статье 125 Конституции исключи-
тельно на него конституционный контроль нормативных актов с возмож-
ным лишением их юридической силы не затрагивает и тем более не огра-
ничивает правомочия других судов, подчиняясь — согласно статье 120
Конституции РФ — только Конституции и закону, самостоятельно решать,
какой закон подлежит применению в рассматриваемом деле, а в случае
отказа от применения закона, неконституционного, по мнению суда, по-
следний обязан разрешить дело на основе непосредственно действующих
норм Конституции. Тем самым было, по существу, подтверждено осуществ-
ление децентрализованного казуального конституционного контроля —
хотя при этом отказ суда в конкретном деле от применения закона как не
соответствующего Конституции не лишает его юридической силы и не мо-
жет быть обязательным для других дел и судов.

Эта позиция КС многие годы неверно воспринимается в юридических
исследованиях и судебной практике как отрицающая, а не как, напротив,

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 года № 19-П по делу о тол-
ковании статей 125, 126 и 127 Конституции РФ // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

закрепляющая обязанность судов по всем делам осуществлять конституционный контроль, казуально дисквалифицируя неконституционную норму исключением её применения в конкретном деле, что ясно сформулировано в тексте названного постановления. Реализация таких подходов в судах утверждала бы роль судебного конституционного контроля в правоприменении. Имело бы меньше шансов низведение судебной позиции до автоматического подчинения неправовому закону.

Судебная практика, однако, и сейчас не использует такие возможности отказа от применения неконституционных норм по конкретному делу с последующим обращением к КС для их исключения из правовой системы — в целях обеспечения равенства всех перед законом и судом.

Рекомендации КС, сформулированные в названном постановлении, были восприняты впоследствии при создании процедуры нормоконтроля, осуществляемого в судах общей юрисдикции согласно Кодексу административного судопроизводства. Суды, однако, всё менее активны в признании нормативных актов не подлежащими применению в связи с их противоречием Конституции и даже закону. Отказ в общей судебной практике от применения таких актов или от признания их недействующими существенно искажает компетенцию конституционного правосудия. Оно всё более востребует в ситуациях, когда необходимо преодолеть нежелание ординарных судов корректировать подзаконное регулирование в порядке конкретного или абстрактного нормоконтроля. Такая тенденция тоже не согласуется с надеждами на оживление конституционного контроля во всех судебных юрисдикциях. Исключение в ФКЗ о КС 1994 года эпитета «высший» из его характеристики как органа конституционного контроля отражало не только дипломатию для налаживания отношений внутри судебной системы, но и осознание того, что первичный дисперсный конституционный контроль на более низких ступенях судебной иерархии в отношении применяемых ими нормативных положений не реален.

Собственно, более чем скромный объём их усилий по проверке правового содержания применяемых норм и обернулся далее включением нормативных актов ниже уровня закона в орбиту проверки Конституционным Судом. Сначала это пришлось признавать возможным в решении КС по рассматриваемым им делам, что не могло не происходить в связи с тем, что российская практика не пошла по пути сужения сферы подзаконного ведомственного регулирования, хотя это предполагалось в силу конституционного требования статьи 15, исключающего применение неопубликованных актов любых нормотворческих органов, если они затрагивают права граждан. В противоположность таким конституционным ожиданиям потребовалось решение КС, согласно которому к предмету проверки в процедурах нормоконтроля в других судах, в том числе в Верховном Суде,

пришлось отнести ведомственные акты, формально не обладающие признаками нормативных, но фактически применяемые в судах как обязательные, при том что и последующий судебный нормоконтроль за их содержанием не осуществлялся⁷. Установление в конституционном правосудии, что они подлежат проверке в общих судах в процедуре нормоконтроля, подтверждает реальное нормативное значение ненормативных актов, что звучит хотя и правозащитно, но парадоксально и может рассматриваться как активизм КС на очередном этапе перетягивания каната между ним и другими судами. Но ясно, что такая позиция тоже имеет основанием нерасположенность общих судов рассматривать оспоренное содержание продуктов ведомственных усилий как противоречащее закону действие, то есть вне процедуры нормоконтроля, который на них не распространялся. Здесь конституционное правосудие, очевидно, реагирует на несостоявшуюся систему административного контроля в сфере управления внутри исполнительной власти попыткой нарастить возможности общего правосудия или всё-таки оправдывает своё решение облегчением доступа к судебной защите для граждан.

Ныне и расширение предмета конституционного контроля в КС тоже объявляется направленным на достижение этой цели, что уже закреплено на основе поправок к Конституции 2020 года в актуальной редакции ФКЗ о КС. Обновление полномочий КС иначе решает вопрос о функциях по судебному контролю в законодательных процедурах и судебных юрисдикциях: к прерогативам КС отнесены проверка — по инициативе Президента — одобренных законодательными органами РФ и её субъектов проектов любых законов до их промульгации, а также проверка подзаконных актов по жалобам граждан и запросам судов. И то, и другое влечёт негативные последствия для контрольной и правозащитной функции КС и объективно приведёт не к расширению, а к сужению сферы его деятельности. Сокращаются объёмы проверки с его стороны того, как понимает содержание закона судебная практика: в случаях, когда проект будет ранее им одобрен как соответствующий критериям конституционности, КС станет ещё чаще отказывать в рассмотрении обращений и в конституционном истолковании норм, в том числе ввиду повторного для него характера проверки закона после предварительной оценки его проекта. В то же время рассмотрение в КС подзаконных актов по жалобам граждан и запросам других судов легитимирует уклонение последних от контроля за содержанием применимого права и делает спорным разграничение ком-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 года № 6-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации.

петенции между КС и остальными судами по нормоконтролю в отношении подзаконного регулирования. В Верховном Суде есть своя коллегия для его проверки в порядке административного судопроизводства. И соблазн организовать нормоконтроль при частично совпадающем его предмете в конституционном и административном судопроизводстве под эгидой Верховного Суда — на фоне имеющегося опыта объединения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда — может грозить ещё одной реконструкцией высших инстанций в судебной иерархии. Такой симбиоз представляется более опасным в связи с трудностью совмещать в российской практике требование подчинения судей в ординарных юрисдикциях закону с целями Конституционного Суда как негативного законодателя и его компетенцией по нуллификации нормативных актов. Подобная конкуренция (или совмещение) задач не могла бы послужить исправлению ни судебных ошибок, ни неконституционных норм.

Институт специализированного судебного конституционного контроля представляется наиболее эффективным вариантом судебной охраны Конституции и конституционализации отраслевого нормотворчества в статутной правовой системе. История конституционного правосудия и в России позволяет признать его уникальные возможности как инструмента формирования конституционализма. Принятые КС решения уже могут проектировать конституционное развитие многих сфер отраслевого законодательства. Инструментальный характер представленного в данной коллективной монографии исследования, посвящённого в основном формам организации, процедурам, способам функционирования в государственной правовой среде, выявлению и соотношению видов принимаемых решений, особенностям и силе негативных и позитивных правотворческих устремлений в процессе судебного конституционного контроля, конечно, не позволял предполагать плюс к этому достаточно полную демонстрацию влияния конституционного правосудия на развитие правовой науки и всей отраслевой правовой материи. Изучение содержательного воздействия конституционного правосудия в этих ракурсах может составить, условно говоря, предмет «отраслевой конституционалистики», что заслуживает внимания будущих исследователей методов и результатов конституционного правосудия в их значении для конституционных практик становления права⁸.

Т. Г. Морщакова

⁸ Основы для такого анализа заложены уже предпринимавшимися классификациями правовых позиций российского Конституционного Суда за все годы деятельности, в том числе и в самом объёмном из обобщений — в книге «Конституция в постановлениях Конституционного Суда России (1992–2016)» (под общ. ред. Л. О. Иванова. 3-е изд., доп. М.: Институт права и публичной политики, 2017).